

Содержание

Пролог

9

Часть первая

73

Часть вторая

229

Часть третья

341

Эпилог

427

К. Ф. ТУРУМОВА-ДОМБРОВСКАЯ

Приключения “обезьяны”

441

*Любови Ильиничне Крутиковой
с уважением и благодарностью
посвящает эту книгу автор*

Пролог

Прежде чем приступить к подробному изложению всего того, что произошло со мной ровно пятнадцать лет назад, в дни оккупации, необходимо хотя бы в двух словах коснуться событий, побудивших меня взяться за перо. Но, во-первых, кто я такой? Меня зовут Ганс Мезонье, мне двадцать семь лет, два года тому назад я с медалью окончил Высшую школу юридических наук и до последней недели редактировал юридический отдел самой большой газеты нашего департамента. Формально редактором ее я состою и поныне — но об этом после. Каждый день в течение двух лет с двенадцати до четырех я сидел в кабинете, просматривая целые груды судебных фотографий, газетных вырезок, отчетов и полицейских протоколов, а раза три в месяц выступал с развернутыми статьями по тем или иным вопросам. Конечно, приходилось писать о всяком — мои милые соотечественники и современники падки на все необычайное и кровавое, все они любят загадочные преступления, невероятные убийства, взломы несгораемых шкафов, таинственные автомобили без номеров и фар и такие дела, как, скажем, отцеубийство или осквернение трупа, им только подавай.

Надо сказать, что на убийства нам везло. Не так давно было, например, такое: пятнадцатилетняя школьница через окно в сад застрелила отца, которого, кстати, очень любила. Застрелила она его ночью, когда он сидел за письменным столом, отослав спать всех домашних и нетерпеливо ожидая жену, отлучившуюся неизвестно куда и к кому, — впрочем,

он и дочка отлично знали, куда и к кому, — выстрел был произведен именно из пистолета любовника матери, офицера криминальной полиции. После убийства девочка подбросила две неиспользованные гильзы в корзину с грязным бельем, разделась, легла спать и была разбужена только полицией, уводившей ее мать. Был громкий процесс. Любовника и мать казнили, дочку, наследницу всего состояния, отдали под опеку бабушки. И вот, выждав с полгода, девочка явилась с повинной в полицей-президиум и рассказала все. Это был сенсационный материал, и тираж нашей газеты в дни суда увеличился ровно вдвое. А девочка давала обширные интервью репортерам, фотографировалась и так и этак и раздавала автографы. Пришлось нанять специального человека, чтоб следить за всеми перипетиями процесса. Да и я не вылезал в те дни из суда ровно десять дней.

Еще лучше газета заработала на другом деле, облетевшем весь мир. В одной из великих держав, без всяких к тому доказательств, по оговору единственного свидетеля, к тому же самого арестованного и ждущего суда по этому же делу, присудили к смерти двух супругов. Они обвинялись в шпионаже, во-первых, в передаче секретнейших военных документов иностранной державе, во-вторых, в тайных связях с Восточной Европой, в-третьих, и именно последний пункт и освещал все дело, темное и бездоказательное до чрезвычайности. Было совершенно ясно, что обвинительный акт — вульгарнейшая полицейская фальшивка, а приговор — расправа правительственных верхов с неудобными людьми, которым вдруг почему-то перестали доверять. В эти дни мы печатали материал, поступающий со всех сторон, гонясь только за количеством строк. Так я работал в течение двух лет, и все это оборвалось сразу.

Вот как это случилось.

Несколько дней тому назад, возвращаясь из редакции, я зашел в почтовую контору, на адрес которой получаю свою корреспонденцию вот уже в течение добрых пяти лет. Когда я вошел, девушка, сидящая на выдаче корреспонденции, крикнула мне из окошечка:

— Писем для месье сегодня нет, а вот, кажется, бандероль! — И нагнулась к ящику с бандеролями.

В это время из соседней комнаты ее позвали. Она радостно сказала:

— Одну минуточку! — Бросила на стол все, что было у нее в руках, и улетела.

В почтовой конторе почти никого не было, только посредине комнаты, за столом, забрызганным чернилами, сидел кудлатый старик в очках, читал какую-то бумажку и крупным каллиграфическим почерком, букву за буквой, надписывал конверт. В это время я почувствовал затылком, что на меня смотрят. Я обернулся. Спиной ко мне стоял возле двери бородатый господин в кожаной желтой куртке, смотрел на расписание воздушной линии Гельсингфорс — Женева — Неаполь — Александрия и что-то выписывал в блокнот. Но тут возвратилась раскрасневшаяся, сияющая девушка, сказала весело и сконфуженно: “Извините”, — и сразу же подала мне мою бандероль. Я взял ее, хотел уже уходить и тут опять совершенно ясно, четко и остро почувствовал тот же взгляд. Я резко обернулся. Старик читал конверт, далеко отставив его от себя и бесшумно шевеля губами. Бородатый, в желтой куртке, кончив списывать, захлопнул книжку, сунул ее в карман и повернулся к двери. Я посмотрел на него сбоку, подумал о том, кто это, но, так ничего и не вспомнив, засунул бандероль в портфель и пошел к двери. И только я сделал два шага, как бородатый сразу же снова повернулся ко мне спиной. Очень трудно определить в таких случаях, почему и как тебе что-то западает в голову, но мне вдруг отчетливо и очень твердо подумалось, что этот человек следит за каждым моим движением, безусловно, меня знает и именно поэтому не хочет со мной встречаться. Повторяю — это была не мимолетная мысль, это была совершенно твердая, хотя и мгновенно созревшая, уверенность, хотя я и сам не знаю, как и откуда она запала мне в голову. И вот опять-таки странность: мало ли людей, чья честь не без упрека, а имя не без пятна, стали избегать своих знакомых после войны и арестов. Самое, по-видимому, разумное в таких случаях — сделать вид, что

ты и сам не заметил негодая, и пройти мимо. Так именно я всегда и поступал. Но на этот раз я прямо подошел к бородатому и встал с ним рядом; он сейчас же спокойно и очень естественно поднял руку в блестящей черной перчатке и стал тереть нос так, что почти все лицо оказалось закрытым. Так мы стояли плечом к плечу, смотрели на расписание и молчали. Это продолжалось, наверное, с полминуты, может быть, даже больше, потом бородатый, даже не поинтересовавшись, кто с ним стоит рядом, повернулся, спокойно обошел меня и направился к выходу. Но девушка в окошке, которая, очевидно, почему-то запомнила его, крикнула ему вдогонку:

— Месье Жослен, сегодня для вас кое-что есть!

И тут уж я чуть не схватил бородатого сзади за локоть. Жосленом звали одного из самых старых друзей моего отца. Я его уж не застал в живых — он погиб где-то на западе во время оккупации, — но имя его у нас произносилось чуть ли не каждый день: “Ах, что бы сказал Жослен, если бы он увидел это?”, “Ах, как жаль, что Жослен видел то-то, но не видел того-то...”

При крике из окошка бородатый замешкался, даже было приостановился на секунду, но сейчас же крикнул:

— Хорошо, хорошо, я сейчас найду! — и выскочил на улицу.

Я кинулся за ним и увидел его всего. Нет, это, конечно, был не Жослен, столь хорошо известный мне по портрету, но ощущение у меня осталось такое, как будто при мгновенной вспышке молнии я узнал что-то очень мне близкое, страшно знакомое, но давным-давно позабытое. Так иногда, попадая в чужой город, человек вдруг вспоминает, что этот дом, никогда им не виданный, эту улицу, совершенно незнакомую, этого неизвестного человека, идущего ему навстречу, деревья, мост — одним словом, все, все он когда-то уже видел во сне или в раннем детстве, а может быть, и того еще раньше, до своего рождения.

Вот так было и со мной.

Неизвестный шел, не оборачиваясь, крупно и уверенно шагая, высокий, стройный, прямой, твердо засунув обе руки в карман своей куртки. На перекрестке стояло такси, и он

поднял руку. Тут, видя, что он сейчас же уйдет и я никогда не узнаю и не вспомню, кто же он такой, я крикнул: “Месье, одну секундочку!” — и тогда он, уже не оглядываясь, прямо и открыто ринулся к машине.

Но в это время на шасси ее зажегся красный огонек — “занято”, и машина медленно тронулась с места. Теперь уйти от меня ему было уже невозможно — некуда. Мы стояли один против другого; третьим в этом отрезке улицы был только полицейский сержант в серой крылатке, стоящий на углу. Тогда, покоряясь необходимости, бородатый слегка дотронулся до шляпы и холодно спросил меня:

— Мы знакомы, месье?

И в то же мгновение я узнал его. Он сильно изменился, загорел, похудел, у него появилась густая, окладистая борода итальянского типа, очень смягчающая его длинное, хищное лицо с жестко выгнутыми линиями скул, всегда напоминавшими мне изгибы хирургического инструмента; мутноватые глаза, аккуратные, но мощные, как рога или крылья, брови, которые, хотя и срастались на переносице, но, как всегда, были аккуратно подбриты. Пока я говорил с ним и смотрел на него, он опять-таки очень прямо, все так же засунув руки в боковые карманы куртки, стоял передо мной и тоже смотрел мне в глаза. Для него это была безусловно очень решительная минута, и к его чести надо сказать, если он и был напуган или растерян, то и виду не показал. Я спросил его:

— Так вы стали уже Жосленом?

Мне хотелось, чтоб вопрос прозвучал резко и насмешливо, но голос мой прервался, дрогнул, и я спросил почти шепотом.

Он ответил спокойно и просто:

— Так мне удобнее получать почту до востребования.

Совершенно сбитый с толку, я молчал, а он сказал: — Но если вы имеете что-нибудь против этого, скажите.

Тут вдруг у меня мелькнула сумасшедшая мысль: вот он сейчас выхватит револьвер, выстрелит в меня в упор, да и юркнет в подъезд — ведь эти господа изучили все проходные

дворы города. Я невольно схватился за карман. Тогда он повернул голову и крикнул:

— Господин сержант, будьте любезны, подойдите-ка сюда! — и спокойно вынул из кармана обе руки.

Полицейский, маленький, худощавый человек с чаплинскими усиками и землистым, впалым лицом, поправил кобур и пошел к нам.

— В чем дело тут у вас, господа? — спросил он подозрительно. — О чем спор?

Не меняя положения, бородатый двумя пальцами дотронулся до шляпы.

— Вот, представляю: мой старый знакомый, известный журналист Ганс Мезонье (полицейский хмуро посмотрел на меня), он хотел бы проверить мою личность. Так пожалуйста. — Он полез в карман, вынул бумажник, раскрыл его, и я увидел целую кипу документов. — Пожалуйста, посмотрите, — повторил он ласково, подавая это все полицейскому.

Но тот не брал бумажника, а стоял и ждал объяснения. То, что у меня от волнения дрожат руки, а бородатый стоит совершенно спокойно, явно сбивало его с толку.

— Так что вам нужно от этого господина? — спросил он меня.

— Я хочу, — ответил я, — чтобы он объяснил, когда и почему он стал Жосленом.

— То есть, — усмехнулся бородатый, — я понимаю так, сержант: господин Мезонье именно и хочет объяснить вам, когда и почему я стал Жосленом.

Наступило секундное молчание. Сержант взял из рук бородатого бумажник и повернулся ко мне.

— А в чем все-таки дело? — спросил он недовольно. — Что вы имеете против этого господина?

— Да это же гестаповец, — сказал я. — Он был в нашем доме и убил моего отца.

Я еще и не договорил, как все мгновенно переменялось, полицейский словно вырос на голову. Четким, резким движением он сунул документы в карман и положил бородатому руку на плечо.

— Дойдемте до полицей-президиума, — сказал он коротко. — А ну, вперед!

И вытащил револьвер.

— Да нет, вы посмотрите сперва документы, — мягко и добродушно улыбнулся бородатый, не двигаясь с места. — Ведь вот же они у вас все в руках. Это одна минута, я никуда не денусь.

Полицейский вдруг быстрым, профессиональным движением дотронулся до карманов куртки бородатого, потом бегом провел по его брюкам; убедившись, что у него ничего нет, раскрыл бумажник и уткнулся в него, как в молитвенник.

— Как вы назвали этого гражданина? — спросил он, читая какой-то документ. — Жосленом?

— Его зовут Гарднер, — начал я. — Он...

Я остановился. Что тут говорить?! Какими словами мог бы я передать, как чернело обгорелое здание с выбитыми окнами и дверью, болтающейся на одной петле, как мертво хрустели под ногами перегоревшие стекла с неуловимым радужным отливом, какая была черная, сухая, жаркая, обгорелая проклятая земля в нашем саду и как страшно выглядели два трупа в нашем доме: один — отцовский, закрытый простыней, на диване, и другой — прямо на полу, маленький, скорченный, с разможенным черепом и разбросанными руками, в одной из которых так и застыл, так и прирос к ладони, пока его не выломали силой, крошечный лиловый браунинг. Все это только на секунду блеснуло перед глазами и ушло опять, оставляя тупую боль и тяжесть в душе. Оцепенело я смотрел на бородатого и чувствовал, что слова у меня не идут из горла.

В это время полицейский негромко воскликнул:

— Ну, так, правильно: “Иоганн Гарднер, уроженец города Дрездена, рождения тысяча девятисотого года”. Вот, — он протянул мне паспорт Гарднера. — Значит, таки не Жослен, а Гарднер?

Я был так сбит с толку, что ничего не ответил.

— Ну, так что же вам нужно от этого господина? — спросил, помедлив, полицейский и, не дождавшись моего ответа, снова полез в бумажник. — Вот тут есть постановление Министер-